

Джон Генри Маккей

Анархисты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М15

Маккей Д.Г.
М15 Анархисты / Джон Генри Маккей – М.: Книга по Требованию, 2021. – 289 с.

ISBN 978-5-517-97806-6

Роман повествует об анархистском движении конца XIX в. Политические взгляды Маккея подробно излагаются в книге от лица главного героя Карара Обана. Идеал политического устройства по Маккею – безгосударственное общество мелких частных собственников, строящих отношения на основе свободного договора и свободных союзов.

Так, борьба с преступностью ставится в зависимость от организации самообороны, либо найма охраны. В основе экономических отношений анархического общества, считал Маккей, будут лежать принципы рыночной экономики «свободный и ничем не стесняемый обмен ценностей внутри и вовне», предполагающий свободную, неограниченную конкуренцию и право частной собственности, основанное на захвате и личном труде индивидуума.

Пропагандировал он и идеи П.-Ж Прудона об организации свободного кредита, заимствовал его проект свободного банка. Ведя речь о средствах и методах борьбы за анархическое общество, Маккей решительно отрицал насилие, противопоставляя ему методы пассивного сопротивления (отказ граждан от выплаты налогов и работы на органы власти) и пропаганды словом.

ISBN 978-5-517-97806-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Джѣхъ-Техри Маккей.

Краткая біографія.

Авторъ *Анархистовъ* родился 6 февраля 1864 г. въ Гриннокъ въ Шотландіи, но съ самаго ранняго дѣтства онъ жилъ въ Германіи и тамъ получилъ образованіе. Послѣ неудачной попытки слѣдовать по другой дорогѣ, нежели та для которой онъ готовился, онъ изучалъ философію, исторію искусства и литературы въ Кильскомъ, Берлинскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ, печатая въ то же время свои первыя произведенія; въ началѣ 1887 года онъ выпустилъ поэму *Kinder des Hochlands*, за нею еще одну трагедію, сборникъ стихотвореній подъ названіемъ *Dichtungen*, сборникъ разсказовъ—*Schatten* и социальную поэму: *Arma parata fero*, эта послѣдняя поэма была тотчасъ же запрещена въ Германіи на основаніи закона о социалистахъ.

Въ 1887 году Маккей отправился въ Лондонъ; онъ уже нѣсколько разъ предпринималъ долгія путешествія за границу и въ теченіи пяти послѣдующихъ лѣтъ жилъ въ Германіи очень короткое время. Въ 1887 году онъ написалъ *Moderne Stoffe*—сборникъ новеллъ изъ берлинской жизни, *Helene*, поэму появившуюся безъ имени автора, второй томъ стихотвореній—*Fortgang*; осенью этого же года онъ изучалъ социалистическое движеніе и написалъ еще томикъ стихотвореній—*Sturm*, произведшіи большою впечатлѣніе; наконецъ у него зародился планъ романа *Анархисты*, для выном-

ненія котораго онъ отправился искать уединенія и покоя въ Швейцаріи.

Послѣ долгихъ и серьезныхъ изслѣдованій первоначальный планъ былъ значительно измѣненъ и романъ былъ оконченъ только черезъ три года, именно въ 1891 году въ Римѣ. Въ этотъ промежутокъ времени авторъ много путешествовалъ, кромѣ того издалъ вторично *Sturm* прибавивъ двѣнадцать новыхъ стихотвореній подъ заглавіемъ *Das starke Jahr*.

Въ 1892 году Маккей вернулся въ Берлинъ побуждаемый главнымъ образомъ желаніемъ закончить свои изслѣдованія о Максѣ Штирнерѣ и съ этого времени онъ поселился въ Берлинѣ. Помимо біографіи Макса Штирнера во время пребывания въ Берлинѣ онъ издалъ три сборника новеллъ: *Die Menschen des Ehe*, *Die letzte Pflicht*, *Albert Schnell's Untergang* и четвертый томъ стихотвореній озаглавленной—*Wiedergeburt*. Последнимъ трудомъ Маккея является—*Der Schwimmer*. Нужно еще отмѣтить, что съ 1891 года въ Берлинѣ по мысли Маккея выходитъ интересное изданіе подъ названіемъ *Freunde und Gefahrten*, гдѣ печатаются лучшія поэтическія произведенія; это изданіе выходитъ листками цѣною въ 1 пфеннигъ и такимъ образомъ даже бѣдняки могутъ пріобрѣтать ихъ.

Романъ *Анархисты* появился въ 1891 году на нѣмецкомъ языкѣ и былъ переизданъ въ 1895 г. Теперь онъ является въ окончательномъ видѣ. Онъ переведенъ на англійскій, французскій, голландскій и чешскій языки.

Анархисты.

I.

Въ сердцѣ города.

Нашъ разсказъ начинается въ одну изъ субботъ 1887 года, того года который, благодаря безсмысленнымъ празднествамъ устроеннымъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ въ честь пятидесятилѣтія царствованія женщины, называвшейся Королевою Великобританіи, Ирландіи и Императрицей Индіи -- былъ названъ „*Jubilee Year*“ (Юбилейный годъ).

Смеркалось, было холодно и сыро; одинокій пѣшеходъ шелъ отъ станціи Ватерлоо, направляясь повидимому къ мосту Чарингъ Кроссъ, черезъ лабиринтъ узкихъ и почти пустынныхъ улицъ. Поднявшись по деревянной лѣстницѣ ведущей на пѣшеходный мостикъ около рельсовъ желѣзной дороги, съ усталыхъ видомъ человѣка совершившаго длинный переходъ, онъ вошелъ въ одну изъ полукруглыхъ нишъ находящихся по обѣ стороны мостика и нѣкоторое время стоялъ неподвижно спиною къ проходимъ. Онъ остановился не столько потому, что усталъ, сколько потому что привыкъ обыкновенно оставаться въ этомъ мѣстѣ; хотя онъ жилъ въ столицѣ Англій уже три года, однако ему рѣдко приходилось бывать по эту сторону рѣки и, переходя черезъ Темзу, онъ всегда любовался величественной картиной громаднаго города.

Было еще достаточно свѣтло и онъ могъ различить темныя массы торговыхъ складовъ тянувшихся по правому берегу до моста Ватерлоо и вереницу торговыхъ пароходовъ выдѣлявшихся на болѣе свѣтломъ фонѣ рѣки; однако уже со всѣхъ сторонъ хаосъ безчисленныхъ зданій этого огромнаго города начиналъ освѣщаться тысячами огней. Вдали фонари Ватерлооскаго моста тянулись двумя свѣтящимися параллельными линіями, отражаясь тамъ и сямъ въ черныхъ волнахъ рѣки, а на лѣвомъ берегу тысячи свѣтящихся точекъ и огней расположенныхъ одни надъ другими тянулись вдоль набережныхъ и улицъ ведущихъ къ Странду. Незнакомецъ то машинально слѣдилъ за фонарями кэбовъ переѣзжавшихъ черезъ мостъ, то начиналъ смотрѣть внизъ, гдѣ Темза почти безшумно катила свои тяжелыя мутныя волны, то прислушивался къ грохоту поѣздовъ на вокзалѣ Чарингъ-Кроссъ, наконецъ, когда онъ повернулся чтобы продолжать свой путь, то сначала былъ ослѣвленъ потоками электрическаго свѣта, ливнагося изъ громаднаго стекляннаго навѣса вокзала, который какъ днемъ такъ и ночью представляетъ картину самой оживленной дѣятельности. Нашъ одинокій пѣшеходъ медленно пошелъ дальше, думая о своей родинѣ Парижѣ; какая разница между широкими веселыми берегами Сены и этими грудями каменныхъ построекъ, которыя при самомъ яркомъ свѣтѣ не теряютъ своего угрюмаго вида. Однако если ему страстно хотѣлось увидѣть вновь Парижъ, гдѣ протекло его дѣтство и юность, то съ другой стороны онъ и Лондонъ тоже любилъ со страстью. Лондонъ, это одинъ изъ тѣхъ городовъ, къ которымъ не относятся равнодушно: или ихъ ненавидятъ или ихъ любятъ, но съ одинаковой страстностью.

Онъ снова остановился.

Громадный вокзалъ былъ освѣщенъ такъ ярко, что можно было видѣть какой часъ пока-

звали часы находившіеся на противоположномъ его концѣ: былъ восьмой часъ вечера и движеніе на пѣшеходномъ мостикѣ сдѣлалось такимъ оживленнымъ, что можно было подумать, что какое то непреодолимое теченіе гнало людей съ одного берега на другой. Казалось что нашъ прохожіи не могъ оторвать глазъ отъ этой оживленной картины; онъ попытался разсмотрѣть Вестминстерское аббатство, но черезъ густую сѣть телеграфныхъ столбовъ и вагоновъ онъ могъ только разглядѣть большіе часы на башнѣ зданія парламента и неясныя очертанія высившихся вдали домовъ, и безчисленные огни уличныхъ фонарей, кэбовъ, освѣщенныхъ оконъ... По смотрѣвъ внизъ на рѣку, онъ увидѣлъ поѣзда городской желѣзной дороги быстро мелькавшіе одинъ за другимъ, ярко освѣщенную набережную Викторіи, иглу Клеопатры рѣзко вырисовывавшуюся на ночномъ небѣ; до него донеслись пѣсни смѣхъ и крики мужчинъ и женщинъ которые по вечерамъ всегда спятъ на скамейкахъ набережной. „*Do not forget me... Do not forget me...*“ повторяли крикливые нестройные голоса, *Do not forget me* (Не забудь меня) только и распѣвали всюду въ юбилейный годъ.

Кто посмотрѣлъ бы въ эту минуту на нашего прохожаго поразился бы жесткимъ выраженіемъ его лица. Онъ вдругъ сталъ совершенно равнодушенъ къ тому, что происходило вокругъ него, видъ этой набережной возбудилъ въ немъ иную мысль: сколько человѣческихъ жизней должно было быть безжалостно погублено для того чтобы выполнить эту циклопическую работу? Онъ мысленно высчитывалъ всю сумму этого терпѣливаго дурно оплачиваемаго и давно позабытаго труда, благодаря которому явились всѣ эти колоссальныя сооруженія сгущенныя на такомъ маломъ пространствѣ. Потъ и кровь не оставили видимыхъ слѣдовъ и на грудѣ труповъ никому неизвѣстныхъ людей высится гордая слава одного человѣка...

Каррарь Обанъ продолжалъ свой путь, по движенія его сдѣлались нервными, какъ будто эта мысль неотвязно преслѣдовала его. Опустивъ голову прошелъ онъ мимо каменныхъ арокъ оставшихся отъ стараго висячаго Хунгерфордскаго моста; онъ шелъ погруженный въ размышленія, которымъ посвящена была вся ея молодость; онъ думалъ о важности того общественнаго движенія, которое появилось во второй половинѣ нашего вѣка. Внести свѣтъ туда, гдѣ еще царствуетъ тьма, въ эти угнетенныя массы, страданія и медленная агонія которыхъ, дадутъ жизнь другимъ...

Когда Обанъ спустился съ моста и дошелъ до Вилльерсъ-Стритъ, этой странной узенькой улицы ведущей отъ Странда къ станціи городской желѣзной дороги, то онъ невольно заинтересовался той кипучей жизнью въ которую онъ попалъ сразу. На каждомъ шагу вниманіе его было чѣмъ нибудь привлекаемо; тутъ одни спѣшили къ желѣзной дорогѣ, другіе спѣшили къ Странду; вотъ публичная женщина оживленно спорить о *итънъ* съ изящно одѣтымъ господиномъ въ цилиндрѣ, вотъ толпа голодныхъ дѣтей внимательно слѣдитъ за всѣми движеніями итальянца продавца вафель... Обанъ умѣлъ быстро схватывать всѣ безчисленныя подробности уличной жизни; онъ съ одинаковымъ интересомъ наблюдалъ и за оборванваннымъ мальчуганомъ, кувыркавшимся передъ нимъ, чтобы получить пенни и за продавцомъ газетъ совавшимъ ему въ руку номеръ „*Matrimonial News*“, газеты необходимой для всѣхъ желающихъ вступить въ бракъ...; однако продавецъ газетъ, не получая никакого отвѣта побѣждалъ предлагать газеты другимъ.

Обанъ продолжалъ идти своимъ обычнымъ шагомъ; онъ слишкомъ привыкъ къ этой толчеѣ и не испытывалъ никакого непріятнаго чувства; сколько часовъ уже посвятилъ онъ изученію этого общества, никогда не испытывая ни усталости ни

отвращенія. Чѣмъ больше онъ изучалъ разнообразныя слои общества, спускаясь до самыхъ поданковъ, тѣмъ болѣе возрастало въ немъ удивленіе передъ этимъ городомъ неимѣющимъ равныхъ себѣ въ мірѣ. Въ послѣднее время' это чувство въ особенности укрѣпилось въ немъ. Карраръ Обанъ слишкомъ многое видѣлъ въ Лондонѣ и ему хотѣлось видѣть еще больше. Подчиняясь этому желанію онъ и вышелъ сегодня съ цѣлью идти, идти, идти въ теченіи цѣлыхъ часовъ черезъ кварталы Кеннингтонъ и Ламбетъ, гдѣ ютится самая ужасная нищета. Онъ возвращался теперь оттуда потрясенный озлобленный, измученный и умъ совсѣмъ не расположенный долго задерживаться на блестящемъ Страндѣ.

Проходя мимо туннеля ведущаго къ Нортумберлендъ-авеню подъ вокзаломъ Чарингъ-Кроссъ, Карраръ Обанъ слышалъ рѣзкіе и нестройные звуки аккордеона; подойдя ближе къ толпѣ, откуда неслись эти звуки, онъ увидѣлъ ребенка въ лохмотьяхъ съ лицомъ вымазаннымъ сажей, который съ усталымъ видомъ приплясывалъ подъ звуки инструмента; кто не видѣлъ этихъ псевдо-негровъ на всѣхъ перекресткахъ Лондона? Обанъ пробрался впередъ: ему хотѣлось уловить выраженіе лица этихъ уличныхъ артистовъ онъ увидѣлъ на ихъ лицахъ выраженіе полнѣйшаго равнодушія, къ которому примѣшивалось быть можетъ нѣкоторое нетерпѣніе.

„Бѣдняжки, конечно должны прокармливать свою семью“, подумалъ Обанъ.

Зѣваки уже расходились и дѣти собирались давать свое представленіе немного подальше, когда появился полисменъ—эта гроза лондонскихъ бѣдняковъ, и заставилъ дѣтей прекратить представленіе. Карраръ Обанъ вошелъ въ туннель; мостовая была покрыта нечистотами и удушливыя испаренія стояли въ этомъ подземномъ проходѣ. Въ

туннелѣ было почти пусто; только тамъ и сямъ вдоль стѣнъ скользили безшумно одинокіе прохожіе. Обанъ зналъ, что въ холодныя, дождливыя осеннія ночи этотъ проходъ, равно какъ и сотни другихъ существующихъ въ Лондонѣ бывають биткомъ набиты несчастными, которыхъ „рука правосудія“ можетъ всегда привлечь къ отвѣту; эти отверженцы общества грязныя, въ лохмотьяхъ, покрытые струпьями проводятъ здѣсь ночи... Поднимаясь по лѣстницѣ ведущей къ выходу изъ туннеля, Обанъ вдругъ вспомнилъ одинъ случай бывшій съ нимъ годъ тому назадъ, по который тѣмъ не менѣе ярко всталъ въ его воображеніи. Онъ остановился и обернулся для того, чтобы полнѣе вызвать въ своей памяти тяжелое ощущеніе, которое онъ испыталъ тогда.

Это случилось въ одну холодную ночь около двѣнадцати часовъ, когда дымъ и туманъ непроницаемымъ покровомъ окутывали городъ; Обанъ пришелъ сюда для того, чтобы дать нѣсколькимъ изъ этихъ несчастныхъ немного денегъ для уплаты за входъ въ *lodging-house* (ночлежный домъ). Когда онъ спустился съ лѣстницы, то передъ нимъ вдругъ появилась такая фигура, которой онъ, кажется никогда не забудетъ; это была женщина съ худымъ изможденнымъ лицомъ покрытымъ кровавыми подтеками. Она прижимала къ своей груди маленькаго ребенка, а за руку вела дѣвочку лѣтъ четырнадцати; мальчуганъ лѣтъ трехъ цѣплялся сзади за юбку этого жалкаго созданія, „Два шиллинга, джентльменъ; только два шиллинга.—бормотала она, когда Обанъ остановился передъ ней, чтобы спросить, что ей нужно.

Въ тоже время она толкала къ нему дѣвочку, которая сопротивлялась и плакала. У Обана морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда женщина продолжала: „Возьмите ее джентльменъ, возьмите ее... Если вы не возьмете ее, то намъ опять придется

провести ночь на улицѣ. Только два шиллинга, а она очень недурна“...

Обана охватилъ ужасъ и онъ невольно отвернулся, не будучи въ силахъ произнести ни одного слова. Онъ вовсе не намѣревался уходить, но женщины это показалось и она брооилась передъ нимъ на землю и цѣпляясь за его одежду отчаянно кричала: „Не уходите, не уходите, джентльменъ. Если вы ее не возьмете мы всѣ умремъ съ голоду здѣсь никто не проходитъ, а на Страндъ мы не можемъ идти... Возьмите ее.., возьмите ее!“

Обанъ осмотрѣлся кругомъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлается, но женщина видѣла это движеніе; она быстро поднялась.

„О, не зовите полнсемена“, поспѣшно сказала она голосомъ полнымъ отчаянія, „Не зовите полнсемена“.

Обанъ далъ ей всѣ деньги, какія у него были при себѣ; тогда несчастная радостно вскрикнула и снова стала толкать къ нему свою дочь говоря:

„Она пойдетъ съ вами, джентльменъ“ и понизивъ голосъ прибавила: „И она будетъ дѣлать все, что вы захотите“...

Обанъ выбрался изъ туннеля насколько возможно скорѣе, съ трудомъ пробираясь черезъ толпу пьяныхъ и шагая черезъ спящихъ. Никто не замѣтилъ этого происшествія.

Около недѣли онъ по вечерамъ приходилъ въ этотъ туннель Чарингъ-Кросса и искалъ тамъ и въ сосѣднихъ улицахъ мать и дѣтей, но ни разу ихъ больше не встрѣтилъ; въ глазахъ дѣвочки ему почудился какой то безпокойный огонекъ, но встрѣча была слишкомъ мнмолетна для того, чтобы онъ могъ проникнуть тайну этихъ дѣтскихъ глазъ.

Затѣмъ зрѣлище ужасной пицеты, которое ежедневно видѣлъ Карраръ Обанъ изгладило изъ его памяти воспоминаніе объ этой сценѣ, которая

смѣшалась съ тысячью подобныхъ; на каждомъ шагу ему встрѣчались дѣвочки тринадцати, четырнадцати лѣтъ, которыя вынуждены бли торговать своимъ хрупкимъ тѣломъ... и его руки безсильно опускались...

Кого онъ долженъ былъ больше жалѣть: матерей или дочерей? Какая безысходная нужда, какой ужасный голодъ, какое безумное отчаяніе должны были толкать и тѣхъ и другихъ на эту дорогу! А какимъ негодованиемъ бываютъ преисполнены женщины лицемѣрной буржуазіи, когда говорятъ объ этихъ „противоестественныхъ матеряхъ“ и „испорченныхъ дѣтяхъ!“ А сами онѣ подъ давленіемъ такой нужды, развѣ не пошли бы по такому же пути?

Жалѣть?.. О эта жалость, жалкая ложь... Нашъ вѣкъ, это одна несправедливось; для Обана самой ужасной несправедливостью является бѣдность. И можетъ быть не слѣдуетъ о ней сожалѣть, потому что она является лучшимъ средствомъ для того, чтобы выяснитъ, что единственное спасеніе находится въ устраненіи этого преступления.

— Безумцы,—бормоталъ Обанъ, безумцы. Они не видятъ, куда привели насъ жалость и милосердіе.

И его лицо омрачилось при воспоминаніи о томъ, сколько уже ему пришлось бороться, для того чтобы по мѣрѣ своихъ силъ ускоритъ наступленіе того дня, когда эта несправедливость будетъ уничтожена. Въ этотъ вечеръ передъ нимъ съ особенною ясностью встала фигура несчастной женщины, онъ вспомнилъ дикій и болѣзненный взглядъ дѣвочки... Онъ вернулся и снова прошелъ черезъ туннель. Прежде нежели направиться къ Странду онъ пошелъ по одной изъ боковыхъ улицъ ведущихъ къ Темзѣ; онъ прекрасно зналъ всѣ эти улицы, переулки, тупики составляющіе до нѣкоторой степени обратную